

ПЕРЕВОДЧИК КУМПАНСТВА РОСТОВСКОГО МИТРОПОЛИТА ИОАСАФА ИВАН ФРАНЦ ИВАНОВ СЫН СЕКИРИНСКИЙ (ВЕРШЕВЕЦ): ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ БИОГРАФИИ

И. Н. Шамина, С. М. Шамин

Институт российской истории РАН (Москва)

Поступила в редакцию 30 июня 2025 г.

Аннотация: авторами исследования поставлен вопрос о том, как комплектовались кадры переводчиков, работавших в петровских кумпанствах. Объектом исследования стала биография переводчика кумпанства ростовского митрополита Иоасафа Ивана Франца Иванова сына Секиринского (Вершевеца). Установлено, что он получил хорошее образование, а затем служил на разных должностях в Польше и в Священной Римской империи. По складу характера Секиринский был авантюристом. Это заставило его искать удачи в России, куда он приехал в сопровождении венецианских корабелов. В работе показано, что, с одной стороны, Секиринский обманывал российские власти, стремясь получить больше денег и высокий чин. С другой стороны, Секиринский выполнял не только переводческую, но и организационную работу. На воронежских верфях, где трудились мастера из разных стран, его умения оказались очень востребованы. Можно сделать вывод, что появление в России на этапе проведения петровских реформ таких людей, как Секиринский, было не только неизбежным, но и полезным для страны.

Ключевые слова: реформы Петра Великого, кумпанство, переводчик Секиринский.

Abstract: the authors of the study raised the question of how the staff of translators who worked in Petrovsky settlements was recruited. The object of the study was the biography of the translator of the kumpanstvo of Rostov Metropolitan Joasaph Ivan Franz Ivanov, the son of Sekirinsky (Vershevets). It is established that he received a good education, and then served in various positions in Poland and in the Holy Roman Empire. Sekirinsky was an adventurer by nature. This forced him to seek his fortune in Russia, where he arrived accompanied by Venetian shipbuilders. The work shows that, on the one hand, Sekirinsky deceived the Russian authorities in an effort to get more money and a high rank. On the other hand, Sekirinsky performed not only translation, but also organizational work. At the Voronezh shipyards, where craftsmen from different countries worked, his skills proved to be in great demand. It can be concluded that the appearance of people like Sekirinsky in Russia at the stage of Peter's reforms was not only inevitable, but also useful for the country.

Key words: reforms of Peter the Great, kumpanstvo, translator Sekirinsky.

История организации и деятельности петровских кумпанств – сообществ, созданных светскими и духовными собственниками в декабре 1696 г. для строительства военно-морского флота в Воронеже, – на сегодняшний день исследована достаточно подробно [1–7], однако отдельные вопросы по-прежнему требуют изучения. Среди недостаточно разработанных тем – персональный состав работников кумпанств, в частности, приглашенных для работы в них языковых специалистов. К постройке кораблей привлекались мастера из разных стран, поэтому без знающих иностранные языки людей было не обойтись. Как отмечал В. Н. Глазьев, «собранные из разных стран офицеры, матросы, корабельные мастера не всегда ладили между собой» [8, с. 186].

Согласно «Росписи, что каких припасов надобно изготовить на один барколон, и каков он будет мерою, и что ему ходу в глубине, и какие надлежат к нему быть припасы», составленной в 1697 г. для постройки одного судна требовалось нанять пятерых толмачей, а в аналогичном списке для галеры помимо русских и иноземных мастеров следовало взять одного толмача «тому языку, котораго будет плотник» [9, приложение 3, с. 216, 220]. Переводчики и толмачи различных кумпанств действительно фигурируют в источниках, связанных со строительством кораблей, и соответствующей литературе, однако кто были эти люди, информации на сегодняшний день практически нет.

Данное исследование посвящено одному из таких переводчиков, работавшему в кумпанстве ростовского митрополита Иоасафа в 1697–1698 гг. Это поляк Иван Вершевец (Ян Францышек; Иван Франц Иванов сын) Секиринский (сам он подписывался: *Ioannes*

V. Siekrincky, Francishek Ioannes Worshowiec Siekierincky и др.). До настоящего времени он не фигурировал в работах по истории кумпанств. В издании «Переводчики Посольского приказа в XVII в.» [10] его также не находим. Однако вводимые в научный оборот источники позволяют восстановить многие эпизоды биографии этого человека.

В фонде 237 (Монастырский приказ) РГАДА нами обнаружена приходо-расходная документация кумпанства ростовского митрополита [11, л. 408–714; подробнее см.: 7], где Секиринский неоднократно упоминается как переводчик. Кроме того, в фонде 150 (Дела о выездах иностранцев в Россию) сохранилось дело под названием «Приезд в Россию на жительство поляка Ивана Вершевеца Секиринского». В состав его входят запись о выдаче Секиринскому жалования 1 июля 1700 г. [12, л. 1], черновик этого документа [там же, л. 2], а также расспросная речь в Посольском приказе 24 июля 1705 г. [там же, л. 3, 3б, 5]. В фонде 248 (Сенат и его учреждения) РГАДА имеется «Дело об отпуске поляка Франца Ивана Вершовица Секиринского, бывшего в Воронеже переводчиком у венецианских мастеров корабельного дела, Якова Мора с товарищами, в Польшу и о выдаче ему из Посольского приказа "абшита" (паспорта), из Адмиралтейского приказа денежного жалования и кормовых денег» 1711–1712 гг. [13, л. 1107/1034–1115 об./1042 об.]. Небольшим, но важным дополнением к этому документальному комплексу служат опубликованные материалы, фиксирующие факт пересечения Секиринским российской границы в Смоленске в 1696 г. [14, стб. 1351–1352], а также его отправку в Персию в составе миссии Исраэля Ори [15, с. 271–272].

Первый вопрос, на который следует ответить, – был ли Секиринский переводчиком или толмачом? В Посольском приказе толмачей (осуществлявших устные переводы) и переводчиков (специалистов по письменному переводу) четко разделяли уже со второй четверти XVII в. [10, с. 15]. Однако в документах церковно-монастырского происхождения такие нюансы, судя по всему, могли не учитываться. В приходо-расходной книге Ростовского кумпанства всех, кто выполнял какие-либо переводы, именовали переводчиками, в то время как слово «толмач» не использовалось. Следовательно, установить, переводы какого характера делал И. Ф. Секиринский, работая в кумпанстве, и можно ли его считать переводчиком в рамках строгой терминологии Посольского приказа, невозможно. Особенно учитывая, что в документах самого Посольского приказа его должность на кумпанской службе не указана. Предполагаем, что в рассматриваемый период последовательное разделение языковых специалистов на толмачей и переводчиков вне стен Посольского приказа соблюдалось далеко не всегда.

Годы жизни И. Ф. Секиринского неизвестны. Родился он в Польше, в «городе Гимбене» – очевидно, это небольшой городок Гомбин на территории Мазовецкого воеводства. Скорее всего, кто-то из его детского окружения говорил на русском или «белорусском» языке. По крайней мере, других возможностей получить достаточные языковые компетенции для того, чтобы позднее выступать переводчиком под Воронежем, в его биографии не просматривается. Секиринский очень рано потерял отца: «остался... в малых летех семи лет», тем не менее смог получить неплохое образование: «жил в школах студентом» [12, л. 3]. Хотя в своей расспросной речи Секиринский не уточнил, в каком именно городе он учился (что позволило бы определить учебное заведение), само слово «студент» подразумевает знание им латыни.

Закончив образование, Секиринский получил свое первое служебное назначение. Вместе с духовным референдарием Николаем Свенцицким (Свитицкий, Świącicki Mikołaj Stanisław h. Jastrzębiec) его направили в Рим: «ис Полши де был он послан в Рим к папе римскому с полским послом референдарем Николаем Свитицким во дворянх. И был при нем в Риме год» [12, л. 3]. Свенцицкий получил должность духовного референдаря 24 ноября 1689 г. [16, с. 139], а в марте 1690 г. король отправил его в Рим к папе Александру VIII [17, с. 461; благодарим Томаша Амброзяка, оказавшего нам неоценимую помощь в поиске польских публикаций о Николае Свенцицком]. Миссия, судя по всему, завершилась в связи со смертью папы 1 февраля 1691 г. Можно думать, что во время данной поездки наш герой выучил итальянский язык. Затем он вернулся в Польшу и стал служить «в покоевых» короля Яна III Собеского, а спустя год подал прошение отпустить его в Венгерскую землю.

Венгрия в тот период была частью Священной римской империи. На нее также претендовала Османская империя. Борьба за эти земли вылилась в Великую турецкую войну (1683–1699 гг.). Секиринский «служил в пехотных полках адъютантом и прапорщиком и был с венгерскими войсками против турецких войск». Отслужив в армии пять лет, он переселился в «Цесарскую землю» (судя по имеющимся документам, здесь подразумевается именно Австрия, а не вся Священная римская империя). В австрийской столице Вене, если верить рассказу нашего героя, он встретился с русским послом Кузьмой Нефимоновым.

По версии Секиринского, именно Нефимонов нанял его на русскую службу: «И в Цесарской земле бывшей посланник дьяк Козма Нефимонов, будучи в Цесарской земле, приговорил его царского величества в службу и велел ему ехать к Москве. И дана ему ис Цесарской земли цесарского величества проезжая грамота. И в 204-м году он, Иван, приехал к Москве

и явился в Посольском приказе и тое вышеписанную проезжую грамоту при записке своей он объявил. И учинен де ему был поденный корм по полтине на день. Да по два года давано ему по сту по пятидесять рублей на год. И те де денги даваны ему из Адмиралтейского приказу» [12, л. 36].

На первый взгляд рассказ Секиринского выглядит вполне правдоподобно. Упомянутый им Кузьма Никитич Нефимонов в 1676–1694 гг. являлся подьячим, затем руководителем повытья Посольского приказа, а 24 марта 1695 г. был назначен дьяком [18, с. 53–74]. Именно в этом статусе он фигурирует в показаниях Секиринского – «дьяк и бывшей посланник». В декабре 1695 г. Нефимонов отправился в Вену в сопровождении переводчика, двух дворян и трех подьячих для заключения договора с цесарем Леопольдом I о совместной борьбе с турками [19, р. S180–S190]. Помимо работы над договором, Нефимонов получил задание по организации отправки в Россию венецианских мастеров для строительства кораблей и управления гребным флотом. По просьбе Петра I в июле 1696 г. сенат Венеции «на пользу общей христианской войны» направил в Россию во главе с капитаном Яковом Моро «13 человек добрых судовых мастеров» [1, с. 59]. Осенью 1696 г. венецианские корабли прибыли в Вену. В Москву они выехали 11 ноября 1696 г. в сопровождении подьячего Посольского приказа Семена Иванова [19, р. S187].

Мы не случайно остановились так подробно на сюжете о выезде в Россию этой группы венецианских мастеров. Дело в том, что из отписки смоленского воеводы Бориса Федоровича Долгорукова об их прибытии в Смоленск выясняется, что 31 декабря 1696 г. границу России пересекли не 13 иностранцев, а 15. В этой группе оказался и Секиринский: «Да они ж, мастера... сказали: как де они приехали Цесарского величества в город Вену, и в то де время взяли они с собою в том городе Вене иностранца полской породы Яна Францышка де Секиринскаго, да в Варшаве немца ж Антония Баи для переводу полскаго и рускаго языков, потому что из них никто по полски и по руски говорить не умеют, а им де, карабельным мастером, без них, Яна и Антония, на Москве и у карабельнаго строения для переводов быть невозможно» [14, стб. 1351–1352]. Сам же Секиринский в своей расспросной речи в Посольском приказе о венецианских кораблях даже не упомянул.

В Смоленске Секиринский словесно бил челом на имя государя о жалованье. В ответ ему выдали из государственной казны «из неокладных доходов денег пять рублей, для того, что он, едучи дорогою с теми карабельными мастерами, исхарчился и до Москвы подняться ему нечим» [там же, стб. 1352]. Венецианские мастера и «выше писанные при них переводчи-

ки» покинули Смоленск 2 января 1697 г. и через неделю прибыли в Москву.

9 января Петр I распорядился выдать вновь прибывшим иностранцам «своего великого государя жалованья... ренскаго доброго два ведра, тринадцать кур, пять гусей, пять кур индейских, пять ососов, тринадцать зайцов, пять гнезд тетеревей, полстяга говядины, тринадцать хлебов ситных, тринадцать колачей да с отдаточного двора питья два ведра вина двойного, пятнадцать ведер меду вареного, пятнадцать ведер пива доброго» [там же, стб. 1353–1355]. Все это было переправлено в Немецкую слободу на постоянный двор, где поселились венецианцы. Для нас эти данные интересны тем, что косвенно отражают представления сотрудников Посольского приказа о числе нанятых специалистов. Куры, зайцы, хлеба и калачи выделены по 13 штук (по числу мастеров-венецианцев). Следовательно, пожалование предназначалось только корабелям, в то время как переводчики в качестве его получателей не рассматривались. Мед и пиво, напротив, выделялись на 15 человек. Это позволяет предполагать, что хотя московские власти не рассматривали И. Секиринского и А. Баи в качестве таких же специалистов, как нанятые на русскую службу венецианцы, тем не менее наличие их в составе прибывшей группы учитывали.

Видим, что сведения Секиринского, приведенные в его расспросных речах, и данные других источников не вполне совпадают. Частично речь может идти о случайных ошибках. Например, он явился в Москве в Посольском приказе не в 204, а в 205 г. – это несоответствие можно объяснить трудностями с пересчетом между разными календарями. А вот известие о том, что его нанял Нефимонов – явная неправда. Если бы русский дипломат выдал Секиринскому хоть какой-то документ, его отметил бы в Смоленске Долгоруков. Между тем венецианцы четко представили переводчика как своего собственного служителя, впервые представляемого российской стороне.

Таким образом, хотя в рассматриваемое время московские власти активно переходили с иностранными специалистами на контрактные отношения [20, с. 204–212], поляк въехал в Московское государство без каких-либо документов, гарантировавших его права и определявших статус. Судя по всему, московские власти, в принципе, рассматривали специалистов по переводу, которые приезжали вместе с нанятыми иностранными мастерами, в качестве сопровождающих этих мастеров служителей. По крайней мере, в Новгороде, куда 25 июля 1696 г. прибыл посланный датским королем для строительства кораблей капитан Симон Петерсон, привезенного им толмача даже не упомянули по имени [9, приложение I, с. 77; приложение III, с. 283]. Число таких примеров можно легко увеличить.

Назначить жалование из «Адмиралтейского приказа» Секиринскому тоже не могли, поскольку этот приказ выделился из Владимирского судного приказа существенно позже. Если предположить, что поляк использовал административную терминологию ретроспективно (что обычно для приказного делопроизводства того времени), то жалование ему должно было выплачиваться из Владимирского судного приказа, а точнее, из его «представительства» в Воронеже – местного Государева разрядного шатра. Однако исследователям известно имя языкового специалиста, который там работал. Это толмач голландского, шведского и датского языков Густав Ланг (Август Лан) [21, с. 186]. Кумпанским же переводчикам платили сами кумпанства.

Кроме того, мы точно знаем о дальнейшей судьбе прибывших с Я. Моро иноземцев. Их распределили в разные кумпанства для строительства кораблей. Секиринский вместе с венецианцем Франциском Якубом Пиколо попал в кумпанство ростовского митрополита Иоасафа, и дальнейшая жизнь этих двух иноземцев в России оказалась на некоторое время тесно связана. Их направили для строительства первой кумпанской галеры в Воронеж, однако сам поляк в своей расспросной речи сообщил об этом довольно кратко, не упоминая о кумпанстве: «И послан он на Воронеж, и жил на Воронеже ни в чину» [12, л. 36]. Благодаря же приходу-расходным книгам кумпанства ростовского митрополита о жизни Секиринского на воронежских верфях становится известно существенно больше, чем он сообщил сам.

Впервые в приходу-расходной документации кумпанства наш герой появляется в записи за 3 марта 1697 г. В этот день вместе с «карабельного дела мастером» Пиколо он получал жалование из средств, собранных Ростовским архиерейским домом на строительство галеры: «Дано с своего повытья шестаго кунпанства на полгода пятнатцать рублей» [11, л. 411 об.]. Вторая выплата была совершена в августе: «кормовых денег с шестаго кунпанства на шесть месяцев августа с первого числа нынешняго 205-го году да февраля по первое ж число 206-го году пятнатцать рублей» [11, л. 557 об.]. Таким образом, Ростовское кумпанство платило Секиринскому кормовые деньги с 1 февраля 1697 г. из расчета 30 рублей в год. Это в разы меньше, чем суммы, которые он указал в своей расспросной речи, однако сопоставимо с выплатами, получаемыми его коллегами. Так, «иноземец Виницеиской земли» Марк Остафьев (Астафьев, Евстафьев, Гречин), работавший «у виницеиских мастеров у капитана Якова Мора с товарищи в толмачах», сообщал, что ему по царскому указу должны платить 3 рубля в месяц [22, с. 279].

Первое время нанятые иностранные специалисты жили в Москве. Однако уже в апреле 1697 г. началась

активная работа по организации строительства кораблей в Воронеже. Тогда же для доставки в Воронеж переводчика вместе с мастером Пиколо на Ростовском архиерейском дворе в Москве была приобретена коляска [9, приложение III, с. 276; 11, л. 415]. После того как Секиринский прибыл в Воронеж, он стал получать различные разовые выплаты от детей боярских Ростовского архиерейского дома – представителей кумпанства, которые координировали работу верфи. Об этом свидетельствуют сделанные ими записи: «Да от того же галерного основания... перевотчику Ивану Францу Иванову сыну Секиринскому дано от основания рубль» [11, л. 547], «перевотчик Иван Секиринской приходил с роспискою к галерному делу о лесных припасех; куплено полведра пива» [там же, л. 576 об.]. Поляк неоднократно получал и материальные подношения: «Генваря в 27 де[нь] куплено в почесть мастеру Фрянцу Яковлеву Пиколое два гуся живые да перевотчику Ивану Секиринскому гусь» [там же, л. 576 об.–577] и др. Временами вознаграждения оказывались весьма существенными: «Маия в 31 де[нь] куплено про перевотчика про Ивана Секиринского свежей рыбы, пять куриц, яиц, чесноку. За все денег дано семь алтын пять денег. Про него же куплено пива три ведра, дано десять алтын» [там же, л. 552 об.]. Такие «дачи» значительно увеличивали его доходы, однако их общую стоимость вычислить невозможно.

При этом поляк не довольствовался жалованием и недостающие в своем хозяйстве вещи брал у архиерейских служащих: «Куплен котлик медной турецким делом с чашкою медною же... И тот котлик отнял перевотчик Иван Секиринский» [там же, л. 548 об.]; «как приезжал в лес перевотчик Иван Секиринский, и в то время взял он у слуг монастырских у Ивана Петрова у Никифера Семенова два ножика бритвы и тех ножиков им не отдал» [там же, л. 553].

Помимо переводов, кумпанство привлекало Секиринского и к другим работам, не связанным напрямую с его профессиональными обязанностями. В частности, 30 мая 1697 г. он ездил в отводной лес «для указыванья лесной сечки». Разумеется, эту поездку архиерейские дети боярские с материальной точки зрения ему полностью обеспечили: «Куплено про него на дорогу пива и меду на дватцать на восемь алтын на четыре денги. Ему же на дорогу куплен боран, даны пять алтын две денги. Ему же куплено калачей да горшков на десять денег» [там же, л. 545]. Это была не единственная поездка Секиринского в лес. В расходной книге за март–июль 1697 г. отмечено, что совершал он подобные поездки вместе с сыном боярским Иваном Орловым «июня в розных числах» [там же, л. 546].

Одновременно с Секиринским выплаты от кумпанства Ростовского митрополита получал и пере-

водчик кумпанства Святейшего патриарха Адриана Марк Евстафьев (Марк Гречанин). Судя по всему, он временами замещал Секиринского: «Дано того же числа переводчику Марку Евстафиеву денег пять рублей за работу, что он переводил домового галера мастеру пять месяцев, для того, что перевотчик Иван Секиринский у мастера не переводил» [там же, л. 428 об.]. Тот же Марк Евстафьев вместе с Иваном Секиринским получил деньги от Ростовского кумпанства и по случаю завершения работ по постройке основания галеры: «Перевотчику ж кумпанства Святейшаго патриарха Марку Греченину дано шеснатцеть алтын четыре денги» [там же, л. 547 об.]. С февраля же 1698 г. в приходо-расходных книгах кумпанства ростовского митрополита Евстафьев упоминается как единственный переводчик, в то время как Секиринский в записях фигурировать перестал.

Таким образом, Секиринский отработал в Ростовском кумпанстве в лучшем случае один год и в 1698 г., скорее всего, покинул Воронеж. В своих показаниях Посольскому приказу он сообщил, что «будучи де на Воронеже генерал адмирал Франц Яковлевич Лефорт обещал ему чин капитанской и с Воронежа де он отпущен к Москве» [12, л. 5]. Однако к 1700 г. никаких чинов и жалованья он так и не получил. Возможно, причиной этому послужила неожиданная смерть Лефорта в начале марта 1699 г. (если рассказ про обещание Лефорта – это не такая же выдумка, как про получение грамоты от К. Нефимонова).

1 июля 1700 г. Иван Францевич появился в Посольском приказе. Судя по всему, в ответ на его несохранившуюся челобитную ему дали «великого государя жалованья в приказ, что он жил на Москве без жалованья многие время, десять рублей из Новгородского приказу из четвертных доходов». При этом о пожаловании ему какого-либо чина речь не шла [там же, л. 1, 2]. Несколько месяцев спустя он попытался устроиться на постоянную службу через Адмиралтейское ведомство. Это известно из справки 1711 г.: «В прошлом 700-м году сентября в 19 день бил челом великому государю он, Иван. В 205 де году выехал он из Вены к Москве... и посылан он был на Воронеж к карабельному делу и был полтара года. И с Воронежа отпущен к Москве, чтоб ево из Адмиралтейского приказу отослать в Воинской приказ. И в 700-м году сентября в 20 числе из Адмиралтейского приказу он, Иван Секиринский, послан с указом великого государя в Воинский приказ для того, что ему, Ивану, в приказе Адмиралтейских дел дела никакого не было» [13, л. 1109 об. / 1036 об.–1110 / 1037]. Данные о сроках службы в этом документе не полностью совпадают с данными из книг Ростовского кумпанства. В пересказе челобитной говорится о том, что он служил в Воронеже полтора года, а по расходным документам числился год. Или он служил на Воро-

неже в каком-то другом кумпанстве, или просто прибавил себе полгода службы.

Добрался ли Секиринский до Воинского приказа, куда был послан, неизвестно, так же как непонятно, взяли ли его там на службу. О том, чем он занимался следующие несколько лет, сведений нет. В 1705 г. поляк вновь предстал перед сотрудниками Посольского приказа и был расспрошен о службе. В ходе расспроса он заявил о своем желании получить чин капитана, как ему было якобы обещано Лефортом, а также упомянул, что «по два года давано ему по сту по пятидесять рублей на год» [12, л. 3–3б, 5]. Как видим, спустя несколько лет первоначально указанные переводчиком полтора года службы на верфях превратились в два. Рискнем предположить, что реально он служил год, а потом постепенно прибавлял себе срок службы. Обращает на себя внимание и то, что в расспросной речи 1705 г. он ни разу не назвал себя переводчиком, хотя пересекал границу России именно в этом качестве, и в приходо-расходных книгах кумпанства ростовского митрополита Иоасафа фигурирует исключительно как переводчик. Очевидно, он стремился получить в России более высокий статус, потому и покинул Воронеж. В расспросной речи он подчеркнул свою роль в венгерской армии как адъютанта и прапорщика, при этом лишь вскользь упомянув о деятельности в Воронеже. Судя по всему, работа там Секиринского не устраивала.

Возможно, причина этого заключается в том, что находившиеся в кумпанствах при воронежских верфях языковые специалисты имели гораздо более низкий доход и социальный статус, чем мастера, не говоря уже об офицерских чинах. Пожалуй, наиболее показательна ситуация с толмачом Евсеем Сидоровым, которого в июне 1699 г. подъячий Государева разрядного шатра Сава Ляпин и его сын поймали на краже дров и избили [23, с. 87]. Очевидно, с прапорщиком или капитаном подьячие такого проделать не посмели бы, даже если бы военный изволил забрать себе фигурировавшие в деле об избиении деревянные обрубки.

Безусловно, среди переводчиков Посольского приказа были люди, которые принадлежали к дворянству и получали большое жалованье. Достаточно вспомнить Николая Спафария или Леонтия Гросса. Однако это не относилось к тем, кто трудился в Воронеже, даже если брать не простых толмачей, а имевших более высокий статус переводчиков. В частности, работавший «у карабелного каравана» Захарий Михайлов сын Белокуров родился в Архангельске в семье торговца тесом [10, с. 63–64], а взятый на службу к воронежскому разрядному шатру из итальянской школы братьев Лихудов Федот (Федор) Агеев, хоть знал итальянский, греческий и латынь, оставался выходцем из посадских людей [24, с. 238, 275, 282].

Между тем Секиринский явно видел себя частью привилегированного сословия. В расспросной речи он не говорил о своих предках, но все же отметил, что в Рим ездил «во дворянх», а в Смоленске, после пересечения российской границы, представился «де Секиринским». О том же говорит его желание получить военный чин. Следует помнить и разницу в годовом жалованье. Кумпанство платило ему 30 рублей в год, а претендовал он на 150, о которых в 1705 г. говорил как об уже полученных от Адмиралтейства за два года службы.

Судя по всему, и в 1705 г. надеждам Секиринского на получение офицерского чина не суждено было сбыться. Его следующий расспрос в Посольском приказе состоялся 8 июня 1707 г. Тогда иноземец сообщил о себе, что он, «Ян Вершович Сикиринский, породы польские, к Москве приехал лет с одиннатцатис Цесарские земли с венецианы з галерными мастерами и был на Воронеже при тех мастерах для переводчества года з два. А потом жил в розных местех, кормился собою. А ныне едет он из найму в служителях в Персиду с Ысраилем Орием. Поручкою по нем во всем, что он человек свободной, ксензы католические, которые в слободе, Ян да Франц» [15, с. 271–272]. Как видим, речь здесь идет о новом найме. На сей раз Секиринский собрался ехать в Персию.

Чтобы понять характер этой службы, необходимо остановиться на фигуре нанявшего Секиринского для своей дипломатической миссии – Исразле Ори. Он происходил из знатного армянского рода и был одним из ярчайших политических деятелей рубежа XVII и XVIII столетий. Основная задача, которую Ори ставил перед собой, – освобождение армян от иноверного ига. Сколько-нибудь пространные сведения о нем имеются с середины 1690-х гг., когда он пытался создать коалицию немецких правителей для помощи в воплощении своих планов. Однако тогда Ори смог добиться лишь рекомендательного письма от цесаря к московскому двору. Прибыв в 1701 г. в Россию, он предъявил рекомендации и изложил свои планы по освобождению армян при военной поддержке коалиции христианских государств. Московским властям идея показалась интересной.

Получив от Петра I для повышения своего статуса чин полковника, Ори вернулся в Европу, где предстояло наполнить конкретикой планы по созданию коалиции. Однако единственная поддержка, которую ему удалось получить, – письмо папы римского к шаху с просьбой о поддержке живущих в Персии христиан. С ним Ори в 1707 г. вернулся в Москву. Российские власти сочли этот документ полезным, поскольку, с одной стороны, интересовались происходящим в регионе, с другой – не желали вызвать у персидских властей опасений, связанных с вниманием России к местным христианам. Ори следовало

выступить в Персии как представителю папы, которого российская сторона лишь снабдила дополнительной «любительной» грамотой. В целом мероприятие выглядело авантюрой, от которой дипломатическое ведомство России легко могло откреститься в случае неудачи.

Московские власти подошли к вопросу формирования «папской» миссии крайне ответственно. Посольство должно было и выглядеть представительным и восприниматься как дипломатическая миссия с Запада. Поскольку у Ори такой свиты не имелось, ее предстояло нанять в московской Немецкой слободе. Навербовать смогли 37 человек. Из тех, кто имел наиболее высокий статус, помимо Секиринского, следует отметить немца Морица Данило Утгольца, отставного прапорщика, зарабатывавшего на жизнь толмачеством, француза Филипа Франца Кулона, которого еще в конце XVII столетия выписал из Парижа в качестве учителя для своих детей князь Петр Алексеевич Голицын, и отставного флотского поручика Яна Фридриха Бемеля. Другие нанятые в посольство иноземцы имели гораздо более скромный статус. В основном же это были «челядники» – слуги разных иноземцев, реже ремесленники.

В середине июня 1707 г. посольство отправилось в Персию, а вернулось лишь к осени 1711 г. Указ астраханскому губернатору об отпуске в Москву «посланника Израиля Ория, с людьми и вещми из Астрахани без всякого задержания» последовал 29 сентября [там же, с. 119, 190, 196 и др.]. Судя по всему, Секиринский прибыл из Персии несколько раньше этой даты, поскольку Правительствующий Сенат начал разбираться с новой его челобитной 26 июня 1711 г. В ней поляк вновь сообщал о своем прибытии в Россию, однако обстоятельства данного события описывались по-новому: «В прошлых годах ведомо и памятно да будет Вашей царской милости верно моя услуга, которую начал еще в Ведне будучи по уговору или концилию посла венецкого и министра цесарского такожде Кузмы Нефимонова, посланника вашей царской милости, к Москве *приехал я и привез с собою тринадцатъ плотников или венетов*, которые строили карабли на Воронеже. И записан я и они в Посольском и в Смоленском приказах. И ис тех приказов присланы в Адмиралтейской приказ» [13, л. 1107/1034]. Таким образом, выходило, что не венецианские мастера наняли Секиринского, а он привез их на царскую службу в соответствии с международным договором. Формально эти слова нельзя назвать ложью. Зная русский язык поляк действительно в каком-то смысле привез венецианцев. Записи о приезде Секиринского на самом деле имелись в Смоленском и Посольском приказах. Однако статус, на который ретроспективно претендовал переводчик, явно не соответствовал реальному положению дел.

Деньги, о которых Секиринский говорил в прошлой челобитной как о полученных, в 1711 г. превратились в недоплаченные: «И по указу вашей царской милости я у того был строенья на Воронеже. И было мне по указу Вашей царской милости жалованных денег сто пятьдесят рублей на год, да кормовых по полтине на день чрез два года. И того мне не додано двести двадцать рублей» [там же, л. 1107/1034]. Невыплату денег Секиринский объяснил тем, что боярин Федор Алексеевич Головин, который хотел рассчитаться с ним и назначить ему чин, умер, не исполнив своего намерения, а сам проситель тяжело заболел и долгое время служить не мог.

Далее в челобитной говорилось, что автор прошения выздоровел и все-таки стал капитаном: «И ныне я ж, когда пришел к прежнему здоровью, и будучи розжарен чрез болезнь мою, бил челом Матвею Петровичу Гагарину, чтоб меня чином определил, или б пас дал и чрез многое время определил меня в капитаны». Поведав все это, Секиринский сообщил, что готов получить жалованье и приступить к службе государю [там же]. Сенат отправил запрос в канцелярию князя Гагарина, который незадолго до этого из коменданта Москвы получил назначение губернатором в Сибирь и отправился на новое место службы. Оттуда ответили, что «вышеписанной де Франц Секиринский в капитаны как написан, такова ведения нет, для того, что был Гварнизонной приказ особливой», а «по отъезде с Москвы губернатора князя Матвея Петровича Гагарина в канцелярии камисарских дел о гварнизонных полках и об офицерах ведения никакого нет» [там же, л. 1110/1037]. В итоге вопрос об этом назначении повис в воздухе. Сенатские служащие пришли к выводу, что Секиринского после болезни «чином определили... в капитаны, а ни в которой полк он не определен» [там же, л. 1111/1038].

В справке из приказа Адмиралтейских дел сообщалось, что «в прошлых в 205-м и 206-м годех» иноземец Секиринский был в Воронеже «у карабельного дела... с виницейскими карабельными мастерами с Яковом Мором с товарищи в перевотчиках. А великого государя жалованья велено кумпанщиком давать ему месечного по 150 рублей на год, поить и кормить довольно. А что ему дано великого государя жалованья на Воронеже, о том в приказе Адмиралтейских дел неведомо» [там же, л. 1109/1036–1109 об. / 1036 об.]. Поскольку из Воронежа или из Посольского приказа Адмиралтейский приказ соответствующей справки не получал, а кумпанская документация хранилась в Монастырском приказе, то единственным источником информации для адмиралтейских служащих могла стать собственная челобитная Секиринского 1705 г. В результате жалованье желаемого для Секиринского размера (и по челобитной 1711 г. объявленное недоплаченным) оказалось

внесенным в документы как реально назначавшееся. Это повышало статус челобитчика.

2 ноября 1711 г. появилось распоряжение Сената в очередной раз отправить Секиринского в Воинскую канцелярию, однако 21 марта 1712 г. выяснилось, что поляк туда так и не послан. Тогда 28 марта Сенат принял решение отпустить челобитчика в свою землю и дать ему «абшит» из Посольского приказа [там же, л. 1110 об. / 1037 об.–1111 об. / 1038 об.]. На это постановление Секиринский отреагировал доношением, в котором просил выплатить якобы недоплаченное из Адмиралтейского приказа жалованье в 220 рублей, «чтоб мне голодную смертью не умереть и в таком дальнем пути чем мне было прокормитца» [там же, л. 1114/1041]. 20 ноября 1712 г. Сенат, который к тому моменту разбирал дело Секиринского уже больше года, постановил «дать ему на дорожный проезд великого государя жалованья тритцать рублей из канцелярии Правительствующего Сената» [там же, л. 1115 об. / 1042 об.]. Это было существенно меньше запрашиваемого, однако если вспомнить, что на воронежских верфях Секиринский получал как раз 30 рублей в год, он остался явно не в накладе.

Подводя итог, отметим, что И. Ф. Секиринский, конечно же, был авантюристом. Однако не следует забывать, что авантюристы иногда оказывались для России петровского времени весьма полезными. Достаточно вспомнить о том, какую огромную роль в создании Морской академии сыграл французский авантюрист Жозеф де Сент-Илер [25]. Так что обращать внимание нужно не на реальный статус человека, а на его знания и способности. Секиринский представляется нам хорошо образованным и повидавшим мир человеком. Переводчик владел несколькими европейскими языками. Помимо родного польского, это, безусловно, была латынь, а также необходимые для работы в кумпанстве русский и итальянский языки. Во время военной службы он, возможно, выучил немецкий – это объяснило бы выбор Вены в качестве места жительства после отставки с военной службы.

Степень владения Секиринским письменным русским языком можно, в частности, определить по составленным им собственноручно (что доказывается идентичностью почерков, которыми написан текст и выполнена подпись Секиринского на русском языке) челобитной 1711 г. [13, л. 1107/1034] и доношению 1712 г. [там же, л. 1114/1041]. Поляк уверенно писал скорописью и имел разборчивый почерк. Это выгодно отличало его от многих русских писцов, хотя до каллиграфического письма подьячих Посольского приказа ему было явно далеко. Ошибок он допускал относительно мало, но все же иногда путал буквы. К примеру, смешал «з» и «ж» в слове «держая», написав «держажу». Для поляка такая ошибка была

вполне естественной. Вместо «еще в Вене» он написал на польский манер «еще в Ведне». Последний вариант топонима являлся нормой для русского языка рубежа 1640–1650-х гг. [26, с. 286], но уже в 1660-х гг. уступил современному варианту именования австрийской столицы [27, с. 828]. Секиринский допускал также фразы, которые не соответствуют нормам языка, использовавшегося в русских приказных документах того времени – «тяшкою я хорошо был навежден».

Несмотря на эти недостатки, написанное им легко понять. Более того, иногда мы встречаем красивые литературные обороты – «и ныне не имею ничего, только едино сердце, которое готово всегда на службу Вашей царской милости»; «а я всегда готов служить Вашей царской пресветлости, куды да повелит ваша царская милость» [13, л. 1107/1034]. К сожалению, небольшой объем имеющегося в нашем распоряжении текста не позволяет установить, свидетельствуют ли подобные фразы о литературном таланте Секиринского, или говорят о его знакомстве с Письмовниками (сборниками образцовых посланий).

В Ростовском кумпанстве Секиринский выполнял не только переводческую, но и организационную работу. На воронежских верфях, где трудились мастера из разных стран, его знания были очень востребованы. Вне всякого сомнения, он внес свой вклад в российское кораблестроение на его начальном этапе. Дальнейшее изучение биографий кумпанских переводчиков позволит лучше понять, каким образом московским властям удалось организовать работу огромного числа специалистов, говоривших на разных языках [28]. От тех, кто мог наладить общение между строителями воронежских кораблей, зависело формирование профессиональных и социальных связей, без которых важное для страны дело остановилось бы.

Большую часть своей жизни в России Секиринский работал на частных лиц. Подробности этой деятельности не известны, однако вряд ли стоит сомневаться, что он занимался переводами, обеспечивая развитие контактов между Россией и Западом. Можно сделать вывод, что появление в России на этапе проведения петровских реформ таких людей, как Секиринский, было не только неизбежным, но и весьма полезным для страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Елагин С. И. История русского флота. Период Азовский / С. И. Елагин. – СПб., 1864.
2. Лавринов Ю. М. История кораблестроения в Воронежском крае в конце XVII в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ю. М. Лавринов. – Воронеж, 1982.
3. Лавринов Ю. М. Петровские кумпанства и их участие в строительстве военного флота в воронежском крае в конце XVII в. / Ю. М. Лавринов // «Морским судам быть!..». Российскому военно-морскому флоту – 300 лет : межвузовский сборник научных трудов. – Воронеж, 1996.
4. Глазьев В. Н. Петр I и воронежское кораблестроение 1696–1711 гг. / В. Н. Глазьев // Казанское адмиралтейство (1718–1830 гг.) : народы Поволжья и традиции российского судостроения. – Казань, 2018.
5. Расторгуев В. И. Воронеж – родина первого Адмиралтейства России / В. И. Расторгуев. – Воронеж, 2007.
6. Алексеев Т. В. Строительство Азовского флота в 1695–1712 гг. в отечественной историографии / Т. В. Алексеев // Исторический журнал : научные исследования. – 2020. – № 6.
7. Шамина И. Н. К истории создания военно-морского флота Петра I : новые документы по истории кумпанства Ростовского митрополита Иоасафа / И. Н. Шамина, С. М. Шамин // Историк и гражданин : к 85-летию Владимира Алексеевича Артамонова. – М., 2025.
8. Глазьев В. Н. История Воронежского края в конце XVI – начале XVIII века : люди и власть / В. Н. Глазьев. – Воронеж, 2024.
9. Елагин С. И. История русского флота. Период Азовский. Приложения / С. И. Елагин. – СПб., 1864.
10. Беляков А. В. Переводчики Посольского приказа в XVII в. : материалы к словарю / А. В. Беляков [и др.]. – М., 2021.
11. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). – Ф. 237. – Оп. 1. – Ч. 1. – Д. 20.
12. РГАДА. – Ф. 150. – Оп. 1. – 1700 г. – № 6.
13. РГАДА. – Ф. 248. – Оп. 1. – Д. 9.
14. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными : в 10 т. Т. 7. – СПб., 1864.
15. Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века. Сборник документов : в 4 т. – Ереван, 1964. – Т. 2, ч. 1.
16. Urzędnicy centralni i nadworni Polski XIV–XVIII wieku : spisy. T. 10. – Kórnik, 1992.
17. Kraszewski I. Święcicki Mikołaj Stanisław h. Jastrzębiec (ok. 1640–1707) / I. Kraszewski, M. Zwierzykowski // Polski Słownik Biograficzny. – 2017. – Т. 51/3.
18. Гуськов А. Г. Организационная структура Посольского приказа / А. Г. Гуськов // Российская история. – 2025. – № 1.
19. Gus'kov A. G. K. N. Nefimov's Mission in Vienna in 1696–1697 / A. G. Gus'kov // Herald of the Russian Academy of Sciences. – 2024. – Vol. 94, № S2.
20. Ермакова О. К. Контракты с иностранцами в эпоху Петра I : инновации или преемственность? / О. К. Ермакова // Петр Великий : исследования и открытия : к 350-летию со дня рождения. – М., 2022.
21. Перегудов А. В. Структура и состав Государева разрядного шатра в Воронеже в конце XVII века / А. В. Перегудов // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.:

Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – № 1.

22. Материалы по истории Воронежской и соседних губерний. Древние акты XVII столетия. Вып. 4. – Воронеж, 1885.

23. *Перегудов А. В.* Государев разрядный шатер – орган управления воронежским кораблестроением (1697–1700 гг.) : дис. ... канд. ист. наук / А. В. Перегудов. – Воронеж, 2009.

24. *Рамазанова Д. Н.* Итальянская школа братьев Лихудов в Москве (1697–1700 гг.) / Д. Н. Рамазанова. – М., 2019.

25. *Федюкин И. И.* «Мнимый барон без всякой дипломы» : жизнь и похождения Жозефа де Сент-Илера в

России и в Европе / И. И. Федюкин // Французский авантюрист при дворе Петра I : письма и бумаги барона де Сент-Илера. – М., 2018.

26. Вести-Куранты : 1648–1650 гг. / подгот. В. Г. Демьянов, Р. В. Бахтурина. – М., 1983.

27. Вести-Куранты : 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг. : в 2 ч. / подгот. В. Г. Демьянов. – М., 2009. – Ч. 1.

28. *Шамин С. М.* Толмачи и переводчики кумпанского периода российского кораблестроения / С. М. Шамин, И. Н. Шамина // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2025. – № 4 (в печати).

Институт российской истории РАН (Москва)

Шамина И. Н., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

E-mail: shaminy@yandex.ru

Шамин С. М., доктор исторических наук, ведущий

научный сотрудник

E-mail: shaminy@yandex.ru

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Shamina I. N., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher

E-mail: shaminy@yandex.ru

Shamin S. M., Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher

E-mail: shaminy@yandex.ru